

**ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ
МЭГГИ СТИВОТЕР:**

ВСЕ НЕЧЕСТНЫЕ СВЯТЫЕ

Цикл «Волки из Мерси-Фоллз»

ДРОЖЬ

ПРЕВРАЩЕНИЕ

ВЕЧНОСТЬ

ГРЕШНИК

Цикл «Вороновый круг»

ВОРОНЯТА

ПОХИТИТЕЛИ СНОВ

СИНЯЯ ЛИЛИЯ, ЛИЛИЯ БЛУ

КОРОЛЬ ВОРОНОВ

Цикл «Сновидец»

ПРИЗОВИ СОКОЛА

Продолжение следует...

МЭГГИ
СТИВОТЕР

ПРИЗОВИ СОКОЛА

Freedom
Москва
2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Maggie Stiefvater

CALL DOWN THE HAWK

Copyright © 2019 by Maggie Stiefvater

All rights reserved

Published by arrangement with Scholastic Inc., 557 Broadway, New
York, NY 10012, USA

Cover art by Christopher Stengel

Стивотер, Мэгги.

С80 Сновидец. Призови сокола / Мэгги Стивотер ; [перевод с английского В. С. Сергеевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 544 с. — (Young Adult. Бестселлер Мэгги Стивотер).

ISBN 978-5-04-105415-1

Долгожданное продолжение культового цикла «Воронята»!

Завораживающая, гипнотизирующая история о снах и желаниях, смерти и неуловимой судьбе.

«Сновидцы рассказывают среди нас — и их сны тоже. Те, кто грезит, не могут перестать — они могут лишь по мере сил управлять своими грезами. Те, кого приснили, не в состоянии жить собственной жизнью — они заснут навеки, если сновидец умрет.

А еще есть те, кого влечет к сновидцам. Те, кто хочет их использовать. Поймать. Убить, пока их сны не погубили всех нас».

Ронан Линч — сновидец. Безделушки и катастрофы — вот то, что он выносит из снов.

Джордан Хеннесси — воровка и талантливая художница. Чем ближе она оказывается к таинственной картине, на поиски которой отправилась, тем теснее оказывается с ней связана. Пугающая, необъяснимая связь, и девушка не в состоянии ее разорвать.

Кармен Фарух-Лейн — охотница и.. убийца. Она знает, что сны могут сделать с человеком. И знает, на что способны сновидцы. Но это мелочи по сравнению с тем, что готовится обрушиться на этот мир..

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-105415-1

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Колпачок на меня не надеть,
В клетку не посадить,
Ныне я гордым стал –
Мне бы над лесом лететь,
В туче бурной парить,
Гремящей грозой меж скал.*

У. ЙЕЙТС, «СОКОЛ»

*Если грезить чуть-чуть — опасно, то ле-
карство от этого — грезить не меньше,
а больше, грезить постоянно.*

МАРСЕЛЬ ПРУСТ,
«В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО
ВРЕМЕНИ»

*Вы уверены, что пол не может также
быть и потолком?*

М. К. ЭШЕР, «БЫТЬ ГРАФИКОМ»

Пролог

Это будет история о братьях Линч. Их было трое, и если один вам не нравился, всегда имело смысл попытаться счастья с другим, поскольку тот Линч, который казался окружающим слишком кислым или слишком сладким, мог прийти как раз кому-то по вкусу. Братья Линч, сироты Линч. Всех их создали сны, так или иначе. И все до одного, они были чертовски красивы.

Они заботились друг о друге. Их мать, Аврора, умерла так, как иногда умирают сны, жестоко, безвинно, неожиданно. Их отца, Ниалла, убили — или прикончили — в зависимости от того, в какой мере вы считали его человеком. Жили ли на свете и другие Линчи? Маловероятно. Линчи, как показала практика, очень хорошо умели умирать.

Сон — не самая безопасная вещь для того, чтобы строить на ней жизнь.

Поскольку братья Линч были в опасности с самого начала, они научились разным способам минимизировать угрозу. Диклан, старший, обрел безопасность, став как можно более скучным. У него это хорошо получалось. Везде — в школе, вне ее, даже на свидани-

ях — он неизбежно выбирал самый скучный вариант. У Диклана к этому был настоящий талант; некоторые оттенки скуки намекают, что их носитель в глубине души на самом-то деле человек, полный прихотей и нюансов, однако Диклан постарался развить такую форму, которая давала понять, что в глубине души он еще скучнее. Диклан не был невидимкой — у невидимок свое обаяние, своя тайна. Он был просто скучным. Теоретически он учился в колледже на факультете управления, и в двадцать один год у него была впереди вся жизнь, но мало кто это помнил. Диклан вообще не врезался в память.

Мэтью, младший, наслаждался безопасностью, будучи необыкновенно добрым. Он отличался приятным чувством юмора, покладистостью, деликатностью. Ему всё нравилось, на полном серьезе. Он смеялся шуткам. Выражался, как мальчик с поздравительной открытки. Он даже выглядел добрым, превратившись из золотоволосого ангелочка в золотоволосого семнадцатилетнего Адониса. Его конфетная, щенячья доброта казалась бы невыносимой, если бы Мэтью не был так неопрятен за едой, ленив в учебе и не слишком умен. Все хотели обнять Мэтью Линча, а он охотно им позволял.

Ронан, средний брат, отстаивал свою безопасность, прибегая к устрашению. Как и остальные братья Линч, он регулярно ходил в церковь, хотя большинство людей полагали, что играет он за другую команду. Ронан носил черное, как на похоронах, и держал ворона в качестве домашней зверюшки. Он брился почти наголо, и на спине у него красовалась татуировка, полная когтей и зубов. Лицо у среднего Линча было кислое,

и говорил он мало. Слова, которые он так расчехлял, превращались в кинжалы — сверкающие, острые, — и мало кому хотелось ощутить их остроту. Еще у Ронана были синие глаза. Обычно люди полагают, что это красиво, но только не в случае Ронана. Его глаза не наводили на мысль о васильках, небе, младенчестве, индиго, лазури. Они были цвета айсберга, бури, обморожения, внезапной смерти. Все в нем давало понять, что он, возможно, сейчас сопрет ваш бумажник или ударит ребенка головой о камень. Ронан гордился фамильным именем, и оно ему шло. Губы у него всегда были сложены так, как будто только что его произнесли.

У братьев Линч было много тайн.

Диклан коллекционировал особые фразочки, которые не позволял себе употреблять публично, а еще обладал необыкновенной ослепительной улыбкой, которую никто никогда не видел. У Мэтью было поддельное свидетельство о рождении — и не было отпечатков пальцев. Иногда, задумавшись, он брел по абсолютно прямой линии. К чему он устремлялся? Или от чего уходил? Не знал даже он сам.

Секрет Ронана был самым опасным. Как и многие важные секреты, он передавался в семье — в данном случае от отца к сыну. В нем крылось хорошее и плохое. Хорошее заключалось в том, что иногда, когда Ронан засыпал и видел сон, он просыпался с этим сном. Плохое заключалось в том, что иногда, когда Ронан засыпал и видел сон, он просыпался с этим сном. Чудовища и машины, погода и желания, страхи и леса.

Сон — не самая безопасная вещь для того, чтобы строить на ней свою жизнь.

Оставшись без родителей, Линчи ушли в тень. Диклан перестал торговать снами и отправился в колледж ради наискучнейшего диплома по политическим наукам. Ронан по мере сил ограничивал свои кошмары семейной фермой в глуши штата Вирджиния. А Мэтью... ну, Мэтью должен был только следить, чтобы случайно не забрести слишком далеко.

Диклан становился всё скучнее, а Ронан всё сильнее скучал. Мэтью старался, чтобы ноги не занесли его в такое место, которого он бы не понял.

Они все хотели большего.

Одного из них в конце концов ждал прорыв. Нилл был бешеным мечтателем из Белфаста, которому огонь поджаривал пятки, а Аврора — золотым сном, в чьих глазах отражалось безбрежное небо. Их дети были созданы для хаоса.

Стоял морозный октябрь, дикий октябрь, беспокойное время, которое пробирается под кожу и трепещет в крови. Прошло два месяца с начала осеннего семестра. Деревья жадно вытягивали хрупкие ветви. Умирующие листья были игривы. Зима завывала за дверью по ночам, но огонь в камине отдалял ее еще на несколько часов.

Что-то пришло в движение в этом октябре, что-то потягивалось, расправляло лапы, пытело, но в основном пока оставалось незримым. Впоследствии оно должно было обрести имя, но пока что просто будоражило всё необычное, к чему прикасалось, и братья Линч не были исключением.

Диклан не выдержал первым.

В то время как младший брат сидел в школе, а средний симулировал болезнь на ферме, Диклан открыл

Сновидец. Призови сокола

шкаф в спальне и достал листок бумаги с телефонным номером. При одном взгляде на него сердце у Диклана забилось быстрее. Вместо того чтобы уничтожить этот клочок, он позвонил.

— Линч? — спросил голос на другом конце.

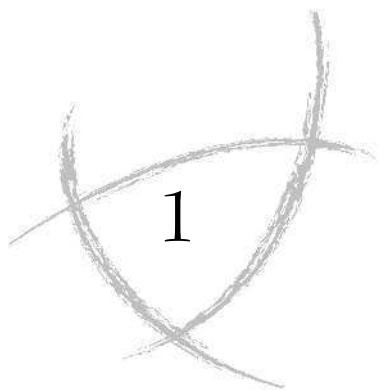
— Да, — напрямик ответил тот. — Мне нужен ключ.

И положил трубку.

Диклан никому не сказал об этом звонке, даже братьям. Что такое еще один крохотный секрет, думал он, когда жизнь и так ими полна.

Скука и тайны — взрывчатое сочетание.

Что-то должно было сгореть.

Все создания начали засыпать. Драматичней всего вышло у кошки. Это было красивое животное — для того, кто любит кошек, — с изящной мордочкой и длинной пушистой шерстью, при взгляде на которую казалось, что сейчас она растает и превратится в жидкий сахар. Она была трехцветная — и при нормальных обстоятельствах никто бы не усомнился в ее половой принадлежности. Такой окрас получают при двух X-хромосомах. Но, возможно, это правило было неприменимо здесь, в уютном сельском коттедже, о котором почти никто не знал. Здесь правили иные, не научные законы. Эта кошка могла вообще быть не кошкой. Она имела форму кошки, но такую же форму порой имеют и пряники.

Она видела, как он умер.

Кеван Браун, вот как его звали. Имена, как хорошие ботинки, переживают тех, кто их носил. Им говорили, что он опасен, однако он швырял в них всем, кроме того, что они боялись. Маленьким столиком. Вылинявшим плюшевым креслом с цветочным узором. Пачкой журналов по дизайну. Небольшим телевизором. Он пырнул Рамси распятием, которое сорвал

со стены в коридоре, и Рамси даже счел это забавным. «Господи помилуй», — сказал он.

Одна из женщин щеголяла в кожаных сапожках на каблуках, и теперь они были запачканы невероятным количеством крови. Один из мужчин был склонен к мигреням, и сонная магия этого места уже зажигала огоньки на периферии его зрения.

В конце концов Лок, Рамси, Николенко и Фарух-Лейн загнали Брауна и кошку в кухню с низким потолком, где в пределах досягаемости не было ничего, кроме декоративной травяной метелочки на стене — и кошки. Метелочка ни для чего не годилась, даже для того, чтобы подметать, зато кошка могла нанести определенный ущерб, если правильно бросить. У большинства людей, впрочем, не такой склад ума, чтобы бросить кошку, и Браун принадлежал к их числу. Он понял, что у него не хватит духу, — и сдался.

— Пожалуйста, не убивайте деревья, — попросил он.

Они выстрелили в Брауна. Несколько раз. Ошибки стоят дорого, а пули дешево.

Трехцветке повезло, что и ее не застрелили, когда она сидела, сжавшись, позади Брауна. Пули пробивают тела насквозь, это их задача. Но кошку просто забрызгало кровью. Она издала чудовищный вопль, полный ярости, распушила хвост, и шерсть у нее встала дыбом. А потом она кинулась на них — не приходилось сомневаться, что диаграмма Венна, изображающая кошек и людей, готовых бросать ими во врага, представляет собой круг.

В течение нескольких секунд представлялось вполне вероятным, что сейчас кто-то из них получит полное лицо когтей и зубов.

Но потом Браун содрогнулся в последний раз и затих. И кошка упала.

Ее тельце стукнулось о пол, издав ни на что не похожий звук; сложносочиненный «шмяк» бесчувственного мешка с костями невозможно воспроизвести. Трехцветка издала этот звук и тоже замерла. Впрочем, в отличие от Брауна, ее грудь продолжала подниматься и опускаться, подниматься и опускаться.

Самым невыносимым, неестественным образом... она спала.

— Ни хрена себе, — заметил Рамси.

Над маленькой белой раковиной было окно, за которым виднелось темно-зеленое поле — а если посмотреть внимательней, то и три косматых коня, стоявших в истоптанной грязи у ворот. Они рухнули на колени, привалившись друг к другу, как пьяницы. Две козы что-то недоуменно проблеяли, прежде чем упасть. Там были и куры, но они уже заснули — зеленую траву усеивали мягкие разноцветные холмики.

Таких, как Кеван Браун, Модераторы называли словом «Зет». Иногда, когда Зет засыпал, он пробуждался, держа в руках то, что ему приснилось. Эта кошка, очевидно, не была кошкой. Это было похожее на кошку существо, которое Браун принес из собственной головы. И, как все прочие живые сны, оно заснуло, когда Брауна убили.

— Отметь время смерти для отчета, — велела Ни-коленко.

Они вновь сосредоточились на добыче — или жертве, в зависимости от того, можно ли было считать Брауна человеком. Фарух-Лейн достала телефон и набрала сообщение.

Теперь нужно было найти еще одного Зета.

Над головой висели темные тучи, заслоняя вершины пологих холмов. Маленькую ферму Керри окружал маленький мшистый лесок. Он был красив, но воздух между деревьями гудел еще сильнее, чем в доме. Не то чтобы в этой атмосфере они не могли дышать. Скорее, они не могли здесь думать — ну или думали слишком много. Они все слегка занервничали; здесь угроза казалась вероятнее.

Другой Зет даже не старался спрятаться. Лок нашел его сидящим в развилке обомшелого дерева, с неприятно бесстрастным выражением лица.

— Вы убили его, так ведь? — спросил Зет. И добавил, когда к Локу присоединилась Фарух-Лейн: — А, и ты тут.

Зет и Фарух-Лейн обменялись взглядом, полным непростого узнавания.

— Можно и по-другому, — сказала она. Фарух-Лейн слегка дрожала. Не от холода. Не от испуга. Это ощущение обычно называется «кто-то прошел по твоей могиле». — Просто перестань видеть сны.

Лок кашлянул, словно полагал, что это условие вовсе не такое простое, но ничего не сказал.

— Правда? — спросил Зет, глядя на Фарух-Лейн. Он смотрел только на нее, как будто остальных тут не было. В общем, логично; она тоже смотрела только на него. — Тогда я всё равно умру. Я ожидал от тебя большей сложности, Кармен.

Лок поднял пистолет. Он ничего не сказал вслух, но конкретно этого Зета он считал особенно стремным ублюдком — даже без учета того, что он натворил.

— В таком случае, ты сделал свой выбор.